

ИССЛЕДОВАНИЯ КОММУНИКАЦИИ COMMUNICATION STUDIES

Оригинальная статья/ Original article

Политический менталитет и ментальные ловушки политической коммуникации

© Г.В. ПУШКАРЕВА

Пушкарева Галина Викторовна, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия), pushkarjeva@spa.msu.ru. ORCID: 0000-0003-1567-5652

Политический менталитет рассмотрен как вид психической активности, который обеспечивает актуальное понимание политической реальности, определение содержания наблюдаемых политических событий и смысла действий их участников. Показано, как организована ментальная активность человека, помогающая ему адекватно ориентироваться в политическом пространстве. Отмечено, что восприятие подчиняется «закону колей». В его основе лежат ментальные ловушки, которые влияют на формирование искаженных суждений о политическом явлении и подчиняют их своей логике. Раскрыта природа ментальных ловушек и охарактеризованы их виды. Ввиду неоднородности политико-культурной среды появляются различные типы политического менталитета. Политическая полиментальность может обернуться серьезными проблемами для общества. Она приводит к появлению групп, которые по-разному воспринимают политические процессы, интерпретируют содержание происходящих событий и оценивают действия властей.

Ключевые слова: менталитет, политический менталитет, политическая полиментальность, ментальные ловушки

Цитирование: Пушкарева Г.В. (2023) Политический менталитет и ментальные ловушки политической коммуникации // Общественные науки и современность. № 3. С. 54–67. DOI: 10.31857/S0869049923030048, EDN: GHPLIO.

Political Mentality and Mental Traps of Political Communication

© G. PUSHKAREVA

Galina V. Pushkareva, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), pushkarjeva@spa.msu.ru. ORCID: 0000-0003-1567-5652

Abstract. Political mentality is considered a kind of mental activity that provides an understanding of political reality, determines the content of observed political events and the meaning of the actions of their participants. It is shown how mental activity of a person is organized, helping to navigate in the political space. Attention is drawn to the fact that perception is subject to the “rut law” concept based on mental traps that capture the mind, which form judgments about a political phenomenon and subordinate it to its own logic. The nature of mental traps is revealed and their types are characterized. The heterogeneity of the political and cultural environment contributes to the emergence of political mentalities that differ in their content, as well as in interpreting political processes and phenomena. Political polymentality can become a serious problem for society. It leads to the emergence of groups that have different perceptions of the unfolding political processes, interpretations of the content of ongoing events, and evaluation of the actions of the authorities.

Keywords: mentality, political mentality, political polymentality, mental traps

Citation: Pushkareva G. (2023) Political Mentality and Mental Traps of Political Communication. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 54–67. DOI: 10.31857/S0869049923030048, EDN: GHPLIO.

Не так давно в лексикон российской политической науки вошло понятие «политический менталитет». Данный термин появился в ходе поисков теоретического объяснения слабой восприимчивости российского общества к западным либеральным политическим ценностям. Менталитет представлялся конструктом, который позволяет эксплицировать сложности политической модернизации в России [Тимофеева 2007]. Кроме того, интерес к данному понятию обусловлен развитием политической психологии, которая нуждалась в категориальном аппарате, описывающем различные грани субъективного отражения политической реальности.

В науке сформировался запрос на новый термин, но его концептуализация противоречива – в первую очередь из-за неоднозначной интерпретации родового понятия «менталитет», которое появилось на рубеже XIX и XX вв. Также возникли сложности при его включении в предметное поле политической науки в целом – и политической психологии в частности. В последней общепризнаны категории «политическое сознание», «политическая картина мира», «политические ценности», «политические установки», «политические верования» и др. Введение нового понятия требует убедительного обоснования и аргументированного отхода от привычных способов концептуализации субъективных проявлений политической жизни.

Цель данной статьи – определить специфику политического менталитета и выявить его роль в процессах политической коммуникации.

Почему возник вопрос о менталитете?

В своей работе 1922 г. «La mentalité primitive» («Первобытное мышление») французский философ Л. Леви-Брюль впервые попытался объяснить понятный на интуитивном

уровне феномен: люди разных цивилизаций по-разному видят окружающий мир объясняют социальные явления и события. Изучая вопрос о причинах такого расхождения, он обратил внимание на особенности мировосприятия представителей племен, которые сохранили первобытный уклад жизни. Ученый поставил цель «исследовать в коллективных представлениях тот умственный механизм низших обществ, который управляет ими» [Леви-Брюль 2020, 52]. Он пришел к выводу, что «умственный механизм» европейца и первобытного человека по-разному выстраивает причинно-следственные связи и формирует умозаключения на их основе. «Ни одно существо, – пишет Л.Леви-Брюль, – ни один предмет, ни одно явление природы не выступают в коллективных представлениях первобытных людей тем, чем они кажутся нам. Почти все то, что мы видим в этих явлениях и предметах, ускользает от внимания первобытных людей или безразлично им» [Леви-Брюль 2020, 57–58]. Именно этот «умственный механизм» он назвал «менталитетом». Данная трактовка позволяла обособить это понятие от ранее возникших терминов, которые обозначали особенности духовной жизни разных народов (культура, душа народа, психология народа, коллективные представления).

Современные определения менталитета, как правило, продолжают традицию, заложенную Л.Леви-Брюлем. Под менталитетом понимают «наличие у людей того или иного общества, принадлежащих к одной культуре, определенного общего “умственного инструментария”, “психологической оснастки”, которая дает им возможность по-своему воспринимать и осознавать свое природное и социальное окружение и самих себя» [Гуревич 1981, 19]. Проблема заключается в том, что сам этот «умственный инструментарий» фактически остается своеобразным «черным ящиком», который скрывает от внешнего наблюдателя процессы мыслительной активности. Неслучайно некоторые авторы понятие «менталитет» определяют через его манифестации, перечисляя различные формы данных явлений [Ракитянский 2016, 214] и воздерживаясь от его содержательного описания.

В научной литературе распространилось расширительное толкование менталитета, при котором в данное понятие включают как саму умственную активность, так и разнообразные формы ее проявления. Менталитет в этой трактовке определяют как соединение «психического склада народа, совокупности характерных для него психологических свойств, архетипов коллективного бессознательного, представлений о мире, склонностей и интересов, ценностей и идеалов» [Кольцова, Журавлев 2017, 10]. В попытках дать точное определение авторы использовали различные «наборы» компонентов – качеств и форм психической активности. В одном случае таковыми выступают ценности, мотивация, интеллект и способности [Ушаков 2020], в другом – картина мира, стиль мышления и кодекс поведения [Усенко 1999], в третьем – социальные представления, сознательные и бессознательные установки, умонастроения, образы, картина мира, воображение, склад ума, модели поведения, традиции и жизненный уклад [Юревич 2013]. В результате понятие утратило свою качественную определенность, и его использовали скорее для констатации различий мировосприятия, чем для исследования природы этих различий.

Политический менталитет: проблемы концептуализации

Вводя в научный оборот понятие «политический менталитет», исследователи в первую очередь задавались вопросом об уместности предиката «политический». Сторонники нового термина понимали, что невозможно очертить границы политического менталитета [Петренко, Митина 2015, 31]. Сами определения политики и политического неустойчивы и, как правило, зависят от методологической позиции исследователя. Однако сложившееся представление о политической сфере общества как особом виде отношений

сочли достаточным, чтобы рассматривать политический менталитет следующим образом: «часть менталитета в целом, но относящаяся к сфере политического» [Подвойская 2009, 12]. Более того, ученые начали прибегать к уточняющим предикатам и говорить о национальном менталитете [Волкова 2015], антикапиталистическом менталитете [Von Mises 2008], технологическом менталитете [Simondon 2009], колониальном менталитете [David, Okazaki 2010; Tuazon, Gonzalez, Nelson 2019], конспирологическом менталитете [Imhoff, Bruder 2014] и т. д. В таких уточняющих определениях речь идет не только о носителях менталитета, но и о способе восприятия значимых, по мнению авторов, аспектов общественной жизни.

Введение понятия «политический менталитет» оправдано в связи с необходимостью исследовать специфику усвоения и осмысления информации, которая формирует отношение людей к политическим процессам и акторам, а также к определяющим тренды политической жизни событиям. С развитием политической психологии ученые стали больше обращать внимание на отсутствие линейной зависимости между потребностями, установками, ценностями и реальным политическим поведением личности. Возникало понимание того, что мотивация формируется под влиянием сложной умственной активности. Она помогает людям осознавать специфику конкретной политической ситуации, оценивать действия властей, определять свои возможности, интерпретировать ожидания других участников политического взаимодействия, распознавать их намерения и ситуативно реагировать на вызовы. Термин «политический менталитет» способен релевантно отображать подобную умственную активность.

Проблема заключается в том, что эту сложную умственную активность сознание не рефлексировало – оно отражает только его результаты в виде представлений, образов, умозаключений, суждений, фобий, ценностных предпочтений и т. п. Получить истинное представление о ней возможно только путем теоретического моделирования обеспечивающих ее процессов. Л. Леви-Брюль предполагал, что различия в менталитете современного и первобытного человека определены разными видами логики: рациональной и мистической соответственно. Именно она, по его мнению, направляет ход мыслительной активности и приводит к обусловленным ею умозаключениям. Сам механизм выстраивания умозаключений Л. Леви-Брюль в своих работах не раскрыл.

В современных исследованиях можно найти три способа решения этой проблемы. При использовании первого из них в политическом менталитете выделяют две составляющие. «Во-первых, это содержательная сторона: взгляды, ценности, чувства и т. п., которые складываются в определенные системы, для обозначения которых используются идеологические “ярлыки”. Во-вторых, это стиль мышления (когнитивный стиль), характер политических рассуждений, способ восприятия системы (“психологический инструментарий”))», – пишет советский и российский исследователь Е.Б. Шестопал [Шестопал 2002, 152]. Такой подход требует теоретического обоснования взаимосвязи двух сторон политического менталитета. В числе прочего необходимо объяснить принципы работы «психологического инструментария», факторы, которые влияют на характер политических рассуждений, и т. д. В противном случае гипертрофируется «содержательная сторона» политического менталитета, который в итоге начинают определять как «полученные знания, ориентации, ценности и установки в совокупности» [Шестопал 2002, 151].

Также специфику политического менталитета определяют, выделяя в нем сознательный и бессознательный уровни [Тимофеева 2007, 19]. По мнению ряда авторов, именно наличие «бессознательных пластов картины мира» [Петренко, Митина 2015, 31] должно отличать политический менталитет от политического сознания, служить основанием для введения нового понятия. Оставалось только объяснить, как это бессознательное функ-

ционирует и в чем оно проявляется. Подходящим теоретическим конструктом в этой ситуации стало учение швейцарского психолога К.Г. Юнга об архетипах и коллективном бессознательном. Ядром менталитета стали считать некие «архетипы коллективного бессознательного» [Кольцова, Журавлев 2017, 10]. Исследования менталитета в рамках данной концепции должны выявлять архетипы, которые определяют специфику мировосприятия нации или народа [Вьюнов 2005; Захаров 2008].

Психологи всегда скептически относились к идеям К.Г. Юнга, которые с готовностью переняли философы и историки. Как отмечают видные ученые Л. Хьелл и Д. Зиглер, «теория Юнга большей частью не поднимается выше уровня предположений. Его основные гипотезы не предоставляют достаточных возможностей для серьезной проверки» [Хьелл, Зиглер 1997, 206]. Коллективное бессознательное по Юнгу представляет собой хранилище латентных следов памяти всего человечества. Архетипы, которые он выделил, универсальны для всех человеческих существ. Соответственно, теория коллективного бессознательного не применима для объяснения различий в менталитете разных народов.

Третий подход присущ ученым, которые усматривали в политическом менталитете своеобразную «психологическую оснастку» социальных и политических субъектов, которая проявляется «в особенностях мышления, верования, чувствования, волеизъявления» [Ракитянский 2011, 95–96]. Задача заключалась в том, чтобы объяснить механизм формирования таких особенностей. Н.М. Ракитянский предложил опереться на догматический принцип А.Ф. Лосева при объяснении политического менталитета. По мнению исследователя, «ядром менталитета любого этноса, народа и нации является принятый ими догмат как некая истина а priori. Эта истина, принимаемая на веру в первую очередь политической и духовной элитой, со временем формирует смыслообразующие устремления, вектор мышления, воли и верований больших групп людей, программирует особенности их жизни и деятельности, воззрения, намерения, чувствования и поступки» [Ракитянский 2011, 96]. Автор иллюстрирует свою идею догматического принципа примерами, которые демонстрируют особенности политического развития разных народов [Ракитянский 2020]. Он утверждает, что «догматическая система определяет культурный код нации, обуславливает характер политической власти целой страны, особенности этики и права, ее экономический уклад, мораль, духовность, нравственность, саму жизнь и судьбу народов и их политических элит, государств и каждого отдельного человека» [Ракитянский 2016, 215].

При кажущемся новаторстве такой подход фактически сводит исследования политического менталитета к поиску некоего догмата с последующей попыткой описать его проявление во всех формах политической и общественной жизни. Данная концепция мало чем отличается от исследований специфики культуры того или иного народа, поскольку она изначально предполагает, что догмат формируется в виде религиозных постулатов или системы ценностно-нормативных установлений.

Политический менталитет: как мы понимаем политический мир

Предположим, что менталитет – это «умственный механизм», который подчиняет мышление больших социальных общностей определенной логике. В данном случае следует задать вопрос, как этот механизм работает, а также как организована ментальная активность, помогающая людям определять смыслы различных политических ситуаций, формировать мнения, суждения и умозаключения по поводу конкретных политических событий, явлений, действий политических акторов. Иными словами, менталитет следует рассматривать не как совокупность устойчивых структур массового сознания (ценно-

сти, установки, догматы, стереотипы, образы и др.), а как динамическую характеристику субъективного отношения к окружающему миру. Он представляет собой вид психической активности, которая обеспечивает актуальное понимание социального мира, помогает распознавать намерения и ожидания других людей, определять содержание событий и смысл действий их участников, а также оценивать значимость происходящих политических процессов и их возможных последствий.

Политический менталитет проявляется в виде суждений об определенной конкретными событиями деятельности правительства и оппозиции, оценок государственных решений, одобрения/неодобрения политики властей и т. д. При изучении политического сознания главный вопрос заключается в том, какая у граждан сложилась система представлений о политике. Исследование политического менталитета сконцентрировано вокруг следующей проблематики: как граждане трактуют политические события и на каких основаниях, как они представляют причинно-следственные связи между событиями, как оценивают действия политических акторов, какие видят угрозы, с чем связывают надежды и т. п. Менталитет обеспечивает актуализацию в сознании наиболее важного и значимого, необходимого для ориентации в политическом пространстве и выбора адекватных моделей поведения.

Суждения и мнения формируют конкретные люди в конкретной ситуации, но в масштабе общества возникает агрегированный эффект единомыслия групп, члены которых не взаимодействуют непосредственно. Без этого эффекта не вставал бы вопрос и о политическом менталитете – феномене, который обозначает групповые различия при интерпретации политических процессов и явлений. Мы говорим о менталитете, когда хотим обратить внимание на отличия в восприятии событий и оценки происходящего у разных групп, общностей и народов.

Долгое время в фокусе внимания ученых находились именно эффекты группомыслия – общепринятые мнения, распространенные суждения и оценки, зафиксированные социологами. Однако благодаря развитию психологической науки – прежде всего достижениям в области психологии социального познания и когнитивной психологии – стало возможно перейти от описания эффектов группомыслия к моделированию ментальной активности, которая их порождает. Следует выделить наиболее значимые для понимания политического менталитета теоретические конструкции.

В 1980-е гг. ученые доказали, что существует два способа обработки актуальной информации человеком: активный (размышления, рассудочная активность, рациональность) и пассивный (автоматический, протекающий без контроля со стороны сознания) [Аронсон, Уилсон, Эйкерт 2002, 222; Богомолова 1999]. Лауреат Нобелевской премии израильско-американский ученый Д. Канеман назвал эти блоки обработки информации «Система 1» и «Система 2» [Канеман 2014]. Большую часть поступающей информации человек обрабатывает в автоматическом режиме, что снижает когнитивную нагрузку на психику [Аронсон 1998, 139]. В результате в каждой конкретной ситуации (в том числе при интерпретации политических событий) индивид скорее полагается на спонтанно возникающие ощущения, чем на разумные доводы, для оценки которых нужны дополнительные когнитивные усилия.

Также наука приблизилась к пониманию специфики нерефлексируемой сознанием ментальной активности, которая обеспечивает обработку информации в автоматическом режиме. Во-первых, установлено, что эта активность неразрывно связана с мнемоническими процессами – прежде всего с теми, которые извлекают из памяти хранящуюся там информацию [ван Дейк 2000, 72–73; Ришар 1998, 52]. Во-вторых, были смоделированы процессы восприятия и понимания текущей информации: внимание, категоризация

и атрибуция [Росс, Нисбетт 1999; Андреева 2000; Налчаджян 2006]. Внимание позволяет психике отбирать из информационного пространства определенную информацию, механизм категоризации позволяет соотносить новую информацию с уже имеющейся, обеспечивая ее идентификацию. Атрибуция представляет собой процесс осмысления необходимых причинно-следственных связей. Специфика этой сложной психической активности состоит в том, что в сознании отражаются только ее результаты [Росс, Нисбетт 1999, 152]. Иными словами, получая информацию о каком-либо событии, психика обрабатывает ее в ходе указанных процессов, и эта информация отражается в сознании уже в виде представления, которое представляется адекватным реальности. Наблюдая за действиями конкретного политического актора, можно практически мгновенно определить смысл его поступков, веря в то, что эта интерпретация верна.

Проверить адекватность восприятия политической информации можно, используя активный способ ее обработки. Однако, как показывают исследования, человек включает рассудочную активность только при определенных условиях – в частности, если он воспринимает информацию как субъективно значимую [Богомолова 1999]. Большинство людей воспринимают политику как сферу, далекую от их личных, повседневных забот. Такое отчуждение снижает мотивацию переходить к мышлению, требующему значительных когнитивных усилий. В итоге проявляющиеся в актуальном массовом сознании суждения и оценки в наименьшей степени представляют собой продукт рационального осмысления информации.

Для возникновения эффекта группомыслия необходимо сочетание двух условий. Первое из них – однородная социокультурная среда. Индивиды, которые проходят в ней социализацию, неизбежно будут обладать однотипными знаниями, убеждениями и ценностями: по существу исходными когнитивными структурами, которые будут подчинять себе процессы категоризации и атрибуции. Во-вторых, необходима разветвленная система контроля за процессами социализации, которая поощряет передачу общепринятых представлений о картине мира и блокирует проникновение в массовое сознание альтернативных ценностей. При соблюдении этих условий общество в автоматическом режиме воспроизводит однотипные взгляды и суждения, поскольку любая новая информация, требующая субъективной оценки, будет попадать в «колею» описанных выше ментальных процессов. Некоторые авторы предлагают описывать данный феномен с помощью понятия «ментальные ловушки», которые канадский исследователь А. Кукла охарактеризовал как «накатанные и привычные пути, по которым мучительно и безрезультатно движется наша мысль» [Кукла 2020, 9].

Политический менталитет как группомыслие по актуальным вопросам политической жизни возникает в политико-культурном пространстве, конфигурацию которого определяют исторически сложившиеся ценностные системы. Когда в обществе доминирует подданическая, патерналистская политическая культура, в массовом сознании неизбежно будут присутствовать соответствующие ей интерпретации политических событий и оценки действий властей. В такой ситуации усвоенные ранее ценности будут выполнять роль той самой колеи, которая направляет ментальные процессы, активизирующиеся при восприятии актуальной информации.

Политическая полиментальность

Политико-культурная среда современного общества неоднородна: в ней представлены разные идейно-ценностные системы, у каждой из которых есть свои сторонники, агенты политической социализации и каналы трансляции ценностных предпочтений.

Такая неоднородность на социальном уровне ведет к появлению различных по своему содержанию политических менталитетов, которые по-разному интерпретируют политические процессы и явления. Термин «полиментальность» [Семенов 2015; Ракитянский 2017] обозначает разнообразие способов восприятия политической информации и оценки политических явлений. Однако описывать полиментальность только как разнообразие ценностных ориентаций и установок – или как приверженность разным догматическим системам – неверно.

Проблема полиментальности состоит в том, что в обществе устойчиво воспроизводятся различные способы оценки политических явлений и интерпретации действий политических акторов. Социологические опросы фиксируют устойчивые различия людей не только в вопросе ценностных ориентаций и установок, но и в способах объяснения политических процессов, событий и мотивов политического поведения. Так, результаты социологических исследований говорят о том, что в российском обществе есть индивиды, которые считают, что дела в стране идут в правильном направлении, и те, кто придерживается противоположной точки зрения¹. Россияне по-разному объясняют мотивы людей, которые идут во власть². Они по-разному оценивают причины политических событий³, аресты чиновников, обвиненных в коррупции⁴. Иными словами, политическая полиментальность – это неоднородность интерпретации актуального политического мира.

Политическая полиментальность чревата серьезными проблемами для общества. Она приводит к появлению групп, которые по-разному воспринимают разворачивающиеся политические процессы, интерпретируют происходящие события, оценивают действия властей. В итоге каждая группа формирует свой набор характеристик свойств актуального политического мира, что может вызвать взаимное непонимание, подозрительность, а в итоге вылиться в неприязнь и даже вражду. Конструктивный диалог между такими группами маловероятен, потому что восприятие реальности подчиняется «закону колеи» – способу обработки информации, который осуществляется автоматически на уровне подсознания.

Ментальные ловушки политической коммуникации

В основе «закона колеи» лежат упомянутые выше ментальные ловушки, которые «захватывают» мысль, формируют суждение о политическом явлении и подчиняют ее своей логике. Психика снижает когнитивную нагрузку, создавая устойчивые ассоциативные связи, которые позволяют выполнять сложные умственные операции при минимальных усилиях. Мы можем интерпретировать действия политического актора, не утруждая себя изучением его реальных мотивов, оценивать деятельность правительства, не анализируя его реальные достижения и неудачи. Выработка таких моментальных суждений ста-

¹ Социальное самочувствие: мониторинг. ВЦИОМ. 28 февраля 2023 г. (<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnoe-samochuvstvie-monitoring>).

² ПОЧТИ 40% РОССИЯН СЧИТАЮТ, ЧТО ЛЮДИ У ВЛАСТИ ОЗАБОЧЕНЫ ТОЛЬКО СВОИМИ ДОХОДАМИ. Левада Центр. 10.03.2020. (<https://www.levada.ru/2020/03/10/pochti-40-rossiyan-schitayut-chto-lyudi-u-vlasti-ozabocheny-tolko-svoimi-dohodami/>). АНО «Левада-Центр» внесена Минюстом в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

³ КОНФЛИКТ С УКРАИНОЙ: ОЦЕНКИ ФЕВРАЛЯ 2023 ГОДА. Левада Центр. 02.03.2023. (<https://www.levada.ru/2023/03/02/konflikt-s-ukrainoj-otsenki-fevralya-2023-goda/>).

⁴ ТРЕТЬ РОССИЯН ИСПЫТЫВАЕТ УДОВЛЕТВОРЕНИЕ ОТ АРЕСТОВ ВЫСОКОПОСТАВЛЕННЫХ ЧИНОВНИКОВ. Левада Центр. 07.05.2019. (<https://www.levada.ru/2019/05/07/tret-rossiyan-ispytyvaet-udovletvorenje-ot-arestov-vysokopostavlennyh-chinovnikov/>).

новится возможной благодаря сложившимся ассоциативным связям, которые позволяют при категоризации новой информации быстро извлекать из памяти нужные когнитивные структуры и формировать на их основе целостные умозаключения.

Одна из ментальных ловушек связана с зависимостью оценки действий политического актора от ранее сложившегося к нему отношения. Человек, у которого сложился негативный образ политика, с большой вероятностью будет оценивать его деятельность критически, на грани неприятия и осуждения. Целесообразность принимаемых им решений будет ставиться под сомнение. Наоборот, симпатия к политику способствует некритическому восприятию его действий, повышению уровня одобрения принимаемых решений. Данная ловушка, известная как «эффект ореола», ведет к появлению в политическом пространстве устойчивых способов восприятия действий властей, которые формируют полярное видение их политики.

Каузальная ментальная ловушка проявляется в стремлении найти приемлемые объяснения происходящим событиям. Как показал американский социолог Г. Гарфинкель в своих кризисных экспериментах, человеку свойственно искать понятное в непонятном, так как такой подход позволяет ему снижать уровень неопределенности окружающего мира [Гарфинкель 2003]. Каузальная атрибуция позволяет человеку решать эту сложную задачу, не прилагая серьезных когнитивных усилий. Людям свойственно находить приемлемое объяснение тем или иным событиям, не прибегая к поиску дополнительной информации, сопоставлению фактов и анализу факторов. Психика автоматически выдает нам готовые суждения, которые мы принимаем как адекватное отражение реальной ситуации, хотя на деле они выступают лишь проекцией хранящейся в памяти информации. Устойчивость суждений по поводу разнообразных политических событий определяется ранее усвоенной системой знаний. Чем глубже различия в опыте, усвоенных мифах и ценностных предпочтениях отдельных групп, тем явственнее будут видны политические ментальные разрывы в обществе.

Еще одна ментальная ловушка – самоограничение – возникает из-за присущего человеку неосознаваемого стремления избегать состояния когнитивного диссонанса, которое возникает всякий раз, когда индивиду приходится сталкиваться с информацией, противоречащей его внутренним убеждениям. Когнитивный диссонанс вызывает дискомфорт и психологическое напряжение, из-за чего человек пытается оградить себя от такой информации, игнорируя ее или принижая ее значимость, либо ограничивая каналы ее получения, общаясь только с теми, кто разделяет его взгляды. Политические единомышленники образуют союзы, объединяются в партии. Так в обществе возникают очаги единомыслия и распространения однотипных суждений и способов интерпретации политической реальности.

Оборотной стороной когнитивного диссонанса становится ловушка самоубеждения. Отвергая информацию, противоречащую своим взглядам, человек впитывает те данные, которые им соответствуют. Индивид на интуитивном уровне ищет подтверждение своим убеждениям, и чем больше такой информации он находит, тем сильнее укрепляется его вера в истинность своих взглядов. Так, усвоив мифологему «во власти все воруют», человек каждый новый коррупционный скандал воспринимает как подтверждение правоты своего убеждения. В итоге он начинает под определенным углом оценивать деятельность правительства. Формируются устойчивые интерпретации мотивов участников процессов принятия государственных решений.

Специфика ментальных ловушек состоит в том, что сознание их не рефлексировать. Человек не отдает себе отчет в том, что он попал в ментальную ловушку. Ему кажется, что он рационально оценивает информацию и делает логичные выводы. Более того, индивид

уверен, что он может обосновать правильность своего суждения, не замечая, как попадает еще в одну ловушку – ловушку рационализации. Желая быть последовательным, человек стремится убедить себя и окружающих в том, что предложенная им интерпретация наиболее адекватна и основана на рациональной оценке ситуации.

Ментальные ловушки показывают, что, попав в колею группомыслия, человеку трудно выбраться из нее. Как правило, он и не стремится это делать. Ему комфортно жить в плену собственных убеждений, доверять своим единомышленникам и находить в их суждениях подтверждение своих взглядов. Именно это обстоятельство объясняет устойчивость менталитетов, которая проявляется в приверженности ряда поколений одним и тем же способам интерпретации мира политики.

* * *

Современная наука серьезно продвинулась в исследовании политических образов, ценностных ориентаций и установок. Однако она лишь начинает изучать ментальные процессы, которые обеспечивают понимание и интерпретацию смыслов политических явлений и процессов. В последнее время появилось много работ, в которых раскрывается особая роль технологий информационного влияния (пропаганды, пиара, постправды, фрейминга и т. п.) в формировании представлений людей об актуальных политических событиях. Однако открытым остается вопрос об избирательном воздействии таких технологий: кто-то поддается на искусно сфабрикованные информационные продукты, а кто-то просто не воспринимает их. Исследование политического менталитета как способа восприятия, понимания, интерпретации и формирования смыслов политических процессов, открывает новые возможности в поиске ответа на вопрос, как люди видят мир политики и как объясняют происходящие в нем события.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреева Г.М. (2000) Психология социального познания. М.: Аспект Пресс. 288 с.
- Аронсон Э. (1998) Общественное животное. Введение в социальную психологию. М.: Аспект Пресс. 517 с.
- Аронсон Э., Уилсон. Т., Эйкерт Р. (2002) Социальная психология. Психологические законы поведения человека в социуме. СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК. 560 с.
- Богомолова Н.Н. (1999) Современные когнитивные модели убеждающей коммуникации // Психологический журнал. № 3. С. 46–52.
- Волкова Е.А. (2015) Национальный менталитет как фактор межкультурной коммуникации // Вестник МГИМО-Университета. № 1. С. 232–236. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2015-1-40-232-236>.
- Вьюнов Ю. А. (2005) Русский культурный архетип. М.: Наука: Флинта. 480 с.
- Гарфинкель Г. (2003) Обыденное знание социальных структур: документальный метод интерпретации в профессиональном и непрофессиональном поиске фактов // Социологическое обозрение. Т. 3. № 1. С. 3–19.
- Гуревич А.Я. (1981) Проблемы средневековой народной культуры. М.: Искусство. 359 с.
- Дейк ван Т.А. (2000) Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск: БГК им. И.А.Бодуэна де Куртенэ. 308 с.
- Захаров В. К. (2008) О некоторых архетипах российской цивилизации // Общество. Государство. Политика. № 1. С. 117–132.
- Канеман Д. (2014) Думай медленно... решай быстро. М.: АСТ. 653 с.

Кольцова В.А., Журавлев А.Л. (2017) Сущностные характеристики и факторы формирования российского менталитета // Психологический журнал. Т. 38. № 3. С. 5–17.

Кукла А. М. (2020) Ментальные ловушки. Глупости, которые делают разумные люди, чтобы испортить себе жизнь. М.: ООО «Альпина Паблишер». 146 с.

Леви-Брюль Л. (2020) Первобытное мышление. М.: Академический проект. 430 с.

Налчаджян А.А. (2006) Атрибуция, диссонанс и социальное познание. М.: Когито-Центр. 439 с.

Петренко В.Ф., Митина О.В. (2015) Психосемантический анализ политического менталитета общества // Вестник СПбГУ. Сер. 16. Вып. 3. С. 27–40.

Подвойская Н. Л. (2009) Концепт политического менталитета в американской политологии второй половины XX века. Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. полит.наук. Москва. 26 с.

Ракитянский Н. М. (2020) Ментальные исследования глобальных политических миров: Концептуальный политико-психологический анализ. М.: Изд-во МГУ. 463 с.

Ракитянский Н.М. (2011) Понятия сознания и менталитета в контексте политической психологии // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. № 6. С. 89–102.

Ракитянский Н.М. (2016) Теоретический и методологический потенциал понятия «менталитет» // Социально-психологические проблемы ментальности/менталитета. № 12. С. 210–217.

Ракитянский Н.М. (2017) Категории сознания и менталитета в контексте феномена политической полиментальности // Политическая психология: Хрестоматия. М.: Аспект Пресс. С. 30–50.

Ришар Ж.Ф. (1998) Ментальная активность. Понимание, рассуждение, нахождение решений. М.: изд-во «Институт психологии РАН». 232 с.

Росс Л., Нисбетт Р. (1999) Человек и ситуация. Уроки социальной психологии. М.: Аспект Пресс. 429 с.

Семенов В. Е. (2015) Современная Россия в контексте концепции российской полиментальности // В: Историогенез и современное состояние российского менталитета. Ред.: В. А. Кольцова, Е. В. Харитонова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН». С. 403–429.

Тимофеева М. (2007) Особенности влияния политического менталитета на развитие демократии в России // Власть. № 11. С. 17–21.

Усенко О.Г. (1999) К определению понятия «менталитет» // В: Российская ментальность: методы и проблемы изучения. Вып. 3. Мировосприятие и самосознание русского общества. М.: Ин-т рос. истории РАН. С. 23–77.

Ушаков Д.В. (2029) Менталитет и социально-экономические достижения стран // Вестник Российской Академии наук. Т. 90. № 3. С. 224–231.

Хьелл Л., Зиглер Д. (1997) Теории личности. Основные положения, исследования и применение. СПб.: Питер Пресс. 606 с.

Шестопад Е.Б. (2002) Политическая психология. М: ИНФРА-М. 448 с.

Юревич А. В. (2013) Структурные элементы национального менталитета // Психологические исследования. Т. 6. № 29. С. 12. (<https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/702/385>).

David E., Okazaki S. (2010) Activation and Automaticity of Colonial Mentality // Journal of Applied Social Psychology. Vol. 40. Issue 4. Pp. 850–887.

Imhoff R., Bruder M. (2014) Speaking (Un-)Truth to Power: Conspiracy Mentality as a Generalised Political Attitude // European Journal of Personality. Vol. 28. Issue 1. Pp. 25–43.

Simondon G. (2009) Technical Mentality // Parrhesia – A Journal of Critical Philosophy. No. 7. Pp. 17–27.

Tuazon V., Gonzalez E., Gutierrez D., Nelson L. (2019) Colonial Mentality and Mental Health Help-Seeking of Filipino Americans // The Journal of Counseling and Development. Vol. 97. Issue 4. Pp. 352–363.

Von Mises L. (2008) The Anti-Capitalistic Mentality. Auburn, Alabama: The Ludwig von Mises Institute. 114 p.

REFERENCES

- Andreyeva G.M. (2000) *Psikhologiy asotsial'nykh poznaniy* [Psychology of Social Cognition]. Moscow: Aspekt Press. 288 p.
- Aronson E. (1998) *Obshchestvennoye zhivotnoye. Vvedeniye v sotsialnuyu psikhologiyu* [Social Animal. Introduction to Social Psychology]. Moscow: Aspekt Press. 517 p.
- Aronson E., Uilson. T., Eykert R. (2002) *Sotsial'naya psikhologiya. Psikhologicheskiye zakony povedeniya cheloveka v sotsiume* [Social Psychology. Psychological Laws of Human Behavior in Society]. Saint-Petersburg: praym-YEVROZNAK. 560 p.
- Bogomolova N.N. (1999) Sovremennyye kognitivnyye modeli ubezhdayushei kommunikatsii [Modern Cognitive Models of Persuasive Communication]. *Psikhologicheskiy zhurnal*. no. 3, pp. 46–52.
- David E., Okazaki S. (2010) Activation and Automaticity of Colonial Mentality. *Journal of Applied Social Psychology*. vol. 40, issue 4, pp. 850–887.
- Deyk van T.A. (2000) *Yazyk. Poznaniye. Kommunikatsiya* [Language. Cognition. Communication]. Blagoveshchensk: BGK im. I.A.Boduena de Kurtene, 308 p.
- Garfinkel' G. (2003) Obydennoye znaniye sotsial'nykh struktur: dokumental'ny metod sochetaniya v professional'nom i neprofessional'nom poiske faktov [Ordinary Knowledge of Social Structures: A Documentary Method of Interpretation in Professional and Non-Professional Search for Facts]. *Sotsiologicheskoye obozreniye*. no. 1, pp. 3–19.
- Gurevich A.YA. (1981) *Problemy srednevekovoy narodnoy kul'tury* [Problems of Medieval Folk Culture]. Moscow: Iskustvo. 359 p.
- Imhoff R., Bruder M. (2014) Speaking (Un-)Truth to Power: Conspiracy Mentality as a Generalised Political Attitude. *European Journal of Personality*. vol. 28, issue 1, pp. 25–43.
- Kaneman D. (2014) *Dumay medlenno... reshay bistro* [Think Slow... Decide Fast]. Moscow: AST. 653 p.
- KH'yell L., Zigler D. (1997) *Teorii lichnosti. Osnovnyye polozheniya, issledovaniye i primeneniye* [Personality Theories. Fundamentals, Research and Applications]. St. Petersburg: Piter Press. 606 p.
- Kol'tsova V.A., Zhuravlev A.L. (2017) Sushchnostnyye kharakteristiki i faktory formirovaniya rossiyskogo mentaliteta [Essential Characteristics and Factors of Formation of the Russian Mentality]. *Psikhologicheskiy zhurnal*. no. 38, pp. 5–17.
- Kukla A. M. (2020) *Mental'nye lovushki. Gluposti, kotorye delayut razumnye lyudi, chtoby isportit' sebe zhizn'* [Mental Traps. Stupid Things that Reasonable People Do to Ruin their Lives]. Moscow: Al'pina Publisher. 146 p.
- Levi-Bryul' L. (2020) *Pervobytnoye myshleniye* [Primitive Mentality]. Moscow: Akademicheskii proyekt. 430 p.
- Nalchadzhyan A.A. (2006) *Atributsiya, dissonans i sotsial'noye poznaniye* [Attribution, Dissonance and Social Cognition]. Moscow: Kogito-Tsentr. 439 p.
- Petrenko V.F., Mitina O.V. (2015) Psikhosemanticheskiy analiz politicheskogo mentaliteta obshchestva [Psychosemantic Analysis of the Political Mentality of Society]. *Vestnik SPbGU*. no. 16, pp. 27–40.
- Podvoyskaya N. L. (2009) *Koncept politicheskogo mentaliteta v amerikanskoy politologii vtoroy poloviny XX veka* [The Concept of Political Mentality in American Political Science in the Second Half of the 20th Century]. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni kand. polit. nauk. Moscow. 26 p.
- Rakityanskiy N. M. (2020) *Mental'nye issledovaniya global'nykh politicheskikh mirov: Konceptual'nyy politiko-psihologicheskij analiz* [Mental Studies of Global Political Worlds: Conceptual Political and Psychological Analysis]. Moscow: Izd-vo MGU. 463 p.
- Rakityanskiy N.M. (2011) Ponyatiya soznaniya i mentaliteta v kontekste politicheskoy psihologii [The Concepts of Consciousness and Mentality in the Context of Political Psychology]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 12. Politicheskoye nauki*. no. 6, pp. 89–102.

Rakityanskiy N.M. (2016) Teoreticheskij i metodologicheskij potencial ponyatiya «mentalitet» [Theoretical and Methodological Potential of the Concept of «Mentality»]. *Sotsial'no-psikhologicheskiye problemy mental'nosti/mentaliteta*. no. 12, pp. 210–217.

Rakityanskiy N.M. (2017) Kategorii soznaniya i mentaliteta v kontekste fenomena politicheskopolimental'nosti [Categories of Consciousness and Mentality in the Context of the Phenomenon of Political Polymentality]. In: *Politicheskaya psikhologiya: Khrestomatiya*. Moscow: Aspekt Press. Pp. 30–50.

Rishar ZH.F. (1998) *Mental'naya aktivnost'. Ponimanie, rassuzhdenie, nahozhdenie reshenij* [Mental Activity. Understanding, Reasoning, Finding Solutions]. Moscow: izd-vo «Institut psikhologii RAN». 232 p.

Ross L., Nisbett R. (1999) *Chelovek i situatsiya. Uroki sotsial'noy psikhologii* [Person and Situation. Lessons of Social Psychology]. Moscow: Aspekt Press. 429 p.

Semenov V.Ye. (2015) Sovremennaya Rossiya v kontekste koncepcii rossijskoj polimental'nosti [Modern Russia in the Context of the Concept of Russian Polymentality]. In: *Istorigenez i osobennosti sostoyaniya rossiyskoy mental'nosti*. Ed(s): V. A. Kol'tsova, Ye. V. Kharitonova. Moscow: Izd-vo «Institut psikhologii RAN». Pp. 403–429.

Shestopal Ye.B. (2002) *Politicheskaya psikhologiya* [Political Psychology]. Moscow: INFRA-M. 448 p.

Simondon G. (2009) Technical Mentality. *Parrhesia – A Journal of Critical Philosophy*. no. 7, pp. 17–27.

Timofeyeva M. (2007) Osobennosti vliyaniya politicheskogo mentaliteta na razvitie demokratii v Rossii [Features of the Influence of Political Mentality on the Development of Democracy in Russia]. *Vlast'*. no. 11, pp. 17–21.

Tuazon V., Gonzalez E., Gutierrez D., Nelson L. (2019) Colonial Mentality and Mental Health Help-Seeking of Filipino Americans. *The Journal of Counseling and Development*. vol. 97, issue 4, pp. 352–363.

Usenko O.G. (1999) K ponyatiyu «mentalitet» [On the Definition of the Concept of «Mentality»]. In: *Rossiyskaya mental'nost': metody i problemy izucheniya*. Moscow: In-t ros. istorii RAN. Pp. 23–77.

Ushakov D.V. (2029) Mentalitet i social'no-ekonomicheskie dostizheniya stran [Mentality and Socio-Economic Achievements of Countries]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*. no. 3, pp. 224–231.

Volkova Ye.A. (2015) Natsional'nyy mentalitet kak faktor mezhkul'turnoy kommunikatsii [National Mentality as a Factor of Intercultural Communication]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. no. 1, pp. 232–236.

Von Mises L. (2008) *The Anti-Capitalistic Mentality*. Auburn, Alabama: The Ludwig von Mises Institute. 114 p.

V'yunov YU. A. (2005) *Russkiy kul'turnyy arkhetyip* [Russian Cultural Archetype]. Moscow: Nauka: Flinta. 480 p.

Yurevich A. V. (2013) Strukturnye elementy nacional'nogo mentaliteta [Structural Elements of the National Mentality]. *Psikhologicheskiye issledovaniya*. no. 29, pp. 12. (<https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/702/385>).

Zakharov V. K. (2008) O nekotorykh arkhetyipakh rossiyskoy tsivilizatsii [On Some Archetypes of Russian Civilization]. *Obshchestvo. Gosudarstvo. Politika*. no. 1, pp. 117–132.

Информация об авторе

Пушкарева Галина Викторовна, доктор политических наук, профессор факультета государственного управления Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Адрес: 119991, Россия, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корпус 4. E-mail: pushkarjeva@spa.msu.ru

About the author

Galina V. Pushkareva, Doctor of Political Science, Professor, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University. Address: 119991, Russia, Moscow, Lomonosovsky prospect, 27, building 4. E-mail: pushkarjeva@spa.msu.ru

Статья поступила в редакцию/Received: 13.03.2023

Статья поступила после рецензирования и доработки/Revised: 23.03.2023

Статья принята к публикации/Accepted: 15.04.2023